

Дата поступления рукописи в редакцию: 23.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-4-193-199

Дата принятия рукописи в печать: 30.04.2026 г.

ШЕМОНАЕВА Анастасия Ивановна,

Студент кафедры гражданского права,
Санкт-Петербургского Государственного университета
аэрокосмического приборостроения,
e-mail: anastasiashemonaeva6@gmail.com

КОРСИКОВА Наталья Александровна,

Доцент кафедры гражданского права
Санкт-Петербургского Государственного университета
аэрокосмического приборостроения,
кандидат юридических наук, доцент,
e-mail: korsikova-nataly@mail.ru

МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОММЕРЧЕСКИЕ КОНТРАКТЫ В СФЕРЕ ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ: ЧАСТНОПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. В статье исследуются особенности и риски международных коммерческих контрактов в ИТ сфере: SaaS, лицензирование ПО, трансфер технологий, договоры с элементами ИИ, Big Data и облачных услуг. Особое внимание уделено вопросам коллизионного регулирования: принципам автономии сторон, ограничениям (например, санкциям и защите персональных данных), а также роли *lex mercatoria* и *soft law* (Принципы УНИДРУА, PECL, рекомендации ЕС и OECD) в договорной практике. Анализируются частноправовые риски: защита интеллектуальной собственности, конфиденциальность и обработка данных, ответственность сторон, форс-мажор и санкционные оговорки. Рассматривается судебная и арбитражная практика по спорам из высокотехнологичных контрактов: разбор кейсов (например, спора об оказании SaaS услуг и споров с иностранными поставщиками ПО). Выявлены типичные ошибки сторон при оформлении договоров и механизмы их предотвращения. В заключении сформулированы перспективы развития регулирования: переход к цифровизации договорной деятельности, адаптация законодательства к смарт-контрактам (автоматизированному исполнению на блокчейне) и влияние ИИ (автономных систем) на договорную практику. Научная новизна исследования заключается в комплексной интеграции международно-правовых и российских подходов к регулированию высокотехнологичных сделок. Практическая значимость состоит в рекомендациях для бизнес-сообщества по оформлению и сопровождению цифровых контрактов с учётом выявленных «узких мест» и правовых пробелов.

Ключевые слова: международный коммерческий договор, высокие технологии, SaaS, интеллектуальная собственность, коллизионное право, смарт-контракт, форс-мажор, санкции.

SHEMONAEVA Anastasia Ivanovna,

Student of the Department of Civil Law,
St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

KORSIKOVA Natalya Aleksandrovna,

Associate Professor of the Department of Civil Law
Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

INTERNATIONAL COMMERCIAL CONTRACTS IN THE FIELD OF HIGH TECHNOLOGIES: PRIVATE LAW ASPECTS OF REGULATION

Annotation. *The article examines the features and risks of international commercial contracts in the IT field: SaaS, software licensing, technology transfer, contracts with elements of AI, Big Data and cloud services. Particular attention is paid to issues of conflict of laws regulation: principles of party autonomy, restrictions (for example, sanctions and personal data protection), as well as the role of lex mercatoria and soft law (Unidroit Principles, PECL, EU and OECD recommendations) in contractual practice. Private law risks are analyzed: intellectual property protection, confidentiality and data processing, liability of the parties, force majeure and sanctions clauses. The judicial and arbitration practice on disputes from high-tech contracts is considered: case analysis (for example, a dispute over the provision of SaaS services and disputes with foreign software suppliers). Typical mistakes of the parties in the execution of contracts and mechanisms for their prevention have been identified. In conclusion, the prospects for the development of regulation are formulated: the transition to digitalization of contractual activities, the adaptation of legislation to smart contracts (automated execution on the blockchain) and the impact of AI (autonomous systems) on contractual practice. The scientific novelty of the research lies in the integrated integration of international legal and Russian approaches to regulating high-tech transactions. The practical significance lies in the recommendations for the business community on the design and maintenance of digital contracts, taking into account the identified "bottlenecks" and legal gaps.*

Key words: *international commercial agreement, high technologies, SaaS, intellectual property, conflict of laws, smart contract, force majeure, sanctions.*

Материалы и методы. Общеметодологическую основу настоящего исследования составляют сравнительно-правовой метод, доктринальные методы (теоретическое осмысление Принципов УНИДРУА, PECL, soft law) [1, 2], а также изучение прецедентов (российская судебная практика и зарубежные кейсы). Учитывается опыт международных организаций (UNCITRAL, OECD, EC) [4, р. 9], а также научных публикаций в области международного частного права и коммерческого права [5, с.89].

Введение: в современную эпоху цифровизации международная торговля всё активнее охватывает сферу высоких технологий: сделки по предоставлению программных сервисов (SaaS), лицензированию программного обеспечения (далее ПО) и продуктов Искусственного интеллекта (далее ИИ), передаче технологий и работе с большими данными становятся обыденностью [6, с. 481]. При этом традиционные правовые механизмы (например, Венская конвенция 1980 г. о международной купле-продаже товаров) [15] оказались адаптированными прежде всего к физическим товарам, что вызывает правовую неопределённость при подписании «цифровых» контрактов [15]. Важной задачей становится выработка частноправовых принципов и норм, способных обеспечить однозначное толкование договорных условий, защиту интеллектуальной собственности, данных и прав потребителей в трансграничных сделках.

В этой связи, необходимо комплексно исследовать правовую природу международных коммерческих договоров в IT-сфере с учётом принципов международного частного и коммерческого права [5, с.79].

Международный коммерческий договор высокой технологии – соглашение между субъектами из разных стран, предметом которого являются инновационные технологии или связанные с ними услуги и товары. К числу таких контрактов относятся, прежде всего:

- договоры SaaS (Software as a Service): разработчик (провайдер) предоставляет заказчику доступ через Интернет к ПО на удалённых серверах. Например, в практике описан договор, по которому SaaS-провайдер, владеющий ПО «Flocktory», предоставлял доступ партнёру на условиях подписки. В таких договорах ключевыми являются порядок доступа (регистрация/пароль), испытания сервиса и порядок приёмки-оплаты оказанных услуг. В российской доктрине преобладает позиция, что отношения SaaS следует квалифицировать как лицензионные: пользователь получает право использования ПО на удалённом сервере, а правообладатель удерживает исключительные права [7, с.118];
- лицензионные соглашения на ПО и базы данных: это международные контракты, по которым правообладатель ПО передаёт лицензиату права использования своих интеллектуальных результатов [16]. Отсутствие разницы между локально установленным ПО и удалённым делает возможность удалённого использования по лицензии юридически эквивалентной – «не существует принципиальной разницы, установлена ли программа на сервере поставщика или у пользователя». Важны условия, касающиеся предмета лицензии (указание на кон-

кретное ПО), способов использования и размера вознаграждения (обязательное условие);

- договоры трансфера технологий: сделки, по которым передаётся ноу-хау, лицензии на изобретения, ноу-хау или инжиниринговые услуги между компаниями разных стран. Как правило, сочетают элементы лицензионного договора и контракта на оказание технологических услуг (обучение персонала, техподдержка). При этом в международных сделках важно учитывать положения Венской конвенции 1980 г. (CISG) о продаже (если передаётся материальный объект) и Принципов УНИДРУА о передаче технологий (PCTC) [15];
- договоры, связанные с ИИ и Big Data: это соглашения по разработке или поставке интеллектуальных систем, машинного обучения, облачных вычислений и объёмных данных. Отдельная категория – договоры на оказание услуг ИИ (например, вендор ИИ-платформы предоставляет облачный сервис по анализу данных). Здесь ключевыми становятся вопросы права собственности на алгоритмы и модели, а также ответственность за результаты работы ИИ [7, с. 96];
- облачные сервисы (IaaS/PaaS): контракты на предоставление вычислительных мощностей, платформ или инфраструктуры через облако. В них предметом являются именно облачные ресурсы, а не их конкретное физическое воплощение. Как правило, это пакетные SaaS договоры с дополнительными техническими SLA. Общая специфика таких контрактов заключается в «нематериальном» предмете обязательства (интеллектуальная собственность, доступ к данным/алгоритмам) и высокой динамике технологических изменений. Важным отличием является также значимость дополнительных условий: тестирование и приёмка ПО, гарантия работоспособности, обеспечение обновлений и поддержки, конфиденциальность данных клиента. Например, при оказании услуг SaaS в одном случае суд одобрил односторонний акт приёмки услуг, направленный провайдером через корпоративную почту клиента, как достаточное доказательство оказания доступа. В целом, в правоприменении наблюдается доминирование лицензионной модели для подобных отношений, несмотря на то что законодательство не содержит чёткой дефиниции «SaaS договора».

Выбор применимого права в международных ИТ контрактах базируется на фундаментальном принципе автономии воли сторон: договор вступает в силу в юрисдикции и по законам, которые согласуют участники [5, с.112]. При этом распространённой практикой является указание на конкретную правовую систему (например, английское или швейцарское право) или признание Принципов УНИДРУА в качестве основ [1].

Тем не менее существуют ограничения: национальные нормативы и публичный порядок государства-форума не позволяют распространять договорные свободы бесконтрольно. Так, санкционные режимы могут запрещать выполнение договоров. В связи с этим стороны всё чаще включают санкционные оговорки и форс-мажорные условия, учитывающие международные санкции. Российские суды допускают квалификацию односторонних санкций как форс-мажора при соблюдении условий непреодолимости и причинной связи. Положение Торгово-промышленной палаты РФ прямо относит меры международных санкций к форс-мажорным событиям, хотя формальный законопроект об этом пока не принят [17].

ИТ контракты традиционно оперируют объектами интеллектуальной собственности (далее ИС): ПО, алгоритмы, базы данных. Поэтому договоры обычно предусматривают детальные положения об охране ИС [7, с.89]. В частности, лицензии на ПО уточняют права и ограничения лицензиата [16]. Как показал случай с российским страховщиком «Ингосстрах», споры могут возникать при попытках сторон использовать лицензионные соглашения третьих лиц. В арбитражном процессе «Ингосстрах» предъявил требования к российскому отделению VMware на основании лицензионного договора конечного пользователя. Суд указал, что VMware Rus – самостоятельное юрлицо, не являющееся стороной лицензионного соглашения VMware (EULA) и условий облачных сервисов. EULA предусматривал лишь лицензию на ПО, а не поддержку, и прямо ограничивал ответственность сторон. Суд пришёл к выводу, что «лицензионное соглашение не имеет отношения к ответчику», и отказал в иске [18]. Этот прецедент подчёркивает, что при международных ИТ контрактах необходимо чётко определять стороны – производитель ПО, его официальный дистрибьютор или локальное представительство – и закреплять полномочия и разграничение ответственности.

Таким образом, в договоры включаются гарантии наличия прав у поставщика (отсутствие третьих лиц с аналогичными правами), а также оговорки об ответственности за нарушение ИС

(штрафы, возмещение убытков). Для защиты прав стороны нередко предусматривают арбитражную оговорку и резервы по выбору места разбирательства – например, в нейтральном арбитраже ICC [19]. Риски пиратства и нарушения авторских прав компенсируются требованиями акцепта результатов и аудита в ходе исполнения.

Важной составляющей международных коммерческих контрактов в сфере высоких технологий, является конфиденциальность и ответственность сторон. Так, передача данных (особенно персональных, коммерчески чувствительных или большого объёма) по контрактам требует особых мер: включения NDA, технической защиты (шифрование, сертификация) и определений уровня услуг (SLA) по безопасности. При оказании облачных сервисов или анализе данных часто возникает необходимость соблюдать требования GDPR и аналогичных регуляций: так, проект договора обычно содержит ответственность провайдера за соблюдение регламентов защиты данных и непредставление информации третьим лицам [4, р.13]. Кроме того, контракт может предусматривать штрафы за нарушение тайны технологий или разглашение коммерческой тайны.

Особо следует отметить имущественную ответственность за нарушение интеллектуальных прав (лицензий). Как видно из практики (дело Ингосстрах), если поставщик программ не имеет обязательств по контракту, он не отвечает за последствия неустраняемых технических сбоев или прекращения поддержки – эти риски ложатся на того, с кем заключён лицензионный договор с конечным пользователем (например, дистрибьютора).

Также, в высокотехнологичных соглашениях форс-мажорные пункты традиционно включают стихийные бедствия, войну, забастовки. Сегодня актуальны «технологические форс-мажоры» – отключение Интернета, DDoS-атаки, кризисы инфраструктур. Однако главное нововведение – учёт санкций. В ряде российских решений отмечено, что при выполнении всех условий (чрезвычайность, непредотвратимость) односторонние санкции иностранных государств могут быть признаны форс-мажором. Положение Торгово-Промышленной Палаты РФ прямо относит ограничительные меры к обстоятельствам непреодолимой силы, что позволяет российским компаниям ссылаться на невозможность исполнения контрактов с уходящими вендорами.

Вместе с тем практика показывает, что суды критично оценивают заявления о форс-мажоре: если договор заключён после объявления санкций или сохраняется альтернативная возмож-

ность исполнения (например, параллельный импорт), форс-мажор не признают. Поэтому важно детально описывать событие как форс-мажорное (например, «введение экспортного эмбарго на ключевые компоненты») и фиксацию его связи с неисполнением договора. Пункты об освобождении от ответственности в случае санкций, равно как и отказ от односторонней ссылки на них для снятия обязательств, становятся привычными в текстах договоров последнего времени.

Результаты исследования: на основе вышесказанного, можно отметить, что один из основных трендов – полная цифровизация заключения и исполнения международных контрактов. Электронная коммерция растёт, и юридические системы адаптируются: внедряются модели дистанционного подписания, e-CAMы (структурированные электронные сообщения) и криптоподписи. UNCITRAL и Евросоюз работают над конвенциями [20] о признании электронных договоров и цифровых доказательств [3]. С точки зрения МЧП, ключевым становится вопрос установления юрисдикции по интернет-сделкам и признания иностранных судебных актов в киберпространстве. Участие в интернете «умных» агентов – все более вероятный сценарий: уже сейчас автоматизированное оформление (например, через b2b порталы) требует учёта гражданско-правовых вопросов формирования воли через ИТС.

Так, технологии блокчейн и смарт-контрактов предлагают революцию в автоматизации сделок. Смарт-контракт – это не письменный договор, а программный код, исполняющий обязательства при наступлении заданных условий. На практике юридическая система пока не имеет единой позиции по их статусу. UNCITRAL подчёркивает, что смарт-контракт по сути – это «компьютерная программа, используемая для автоматического выполнения договорных обязательств» [8] и что в принципе «минимально» это просто инструмент автоматизации. Российский регулятор (Банк России) в концепции цифрового рубля определяет смарт-контракт как «сделку, исполняемую автоматически при наступлении заранее определённых сторонами условий». Это определение подчёркивает суть: обязательство «привязано» к событиям без ручного контроля.

Юридические сложности смарт-контрактов видны уже сегодня: кому приписывать юридические последствия – коду или человеку, кто несёт ответственность за «ошибку» в коде, как обеспечить соответствие электронному согласию сторон? Судебная практика носит единичный характер. Однако тенденция ясна: смарт-контракты рассматриваются в рамках традиционного дого-

ворного права – как обычные соглашения [10, с.120], оформленные в электронной (программной) форме [9, с. 199]. На деле это означает, что такие сделки подчиняются тем же правилам о форме сделки (п. 1 ст. 160 ГК РФ допускает электронные средства) [21] и основам контрактного права. В будущем для поддержки смарт-контрактов может потребоваться формализация в законодательстве: например, создание условий для автоматической многосторонней регистрации и механизма принудительного исполнения [12, с. 174]. Впрочем, на уровне *soft law* уже ведётся обсуждение междисциплинарных стандартов (ISO, ITU) для смарт-контрактов и их взаимосвязи с правовыми доктринами [11, р. 1048].

Авторы отмечают, что на горизонте – интеграция искусственного интеллекта в хозяйственный оборот и контрактные взаимоотношения. Классические договоры вряд ли смогут покрыть все вопросы, возникающие с автономными машинами. AI-системы «процессируют большие объёмы данных» и «проектируются с различными уровнями автономии», благодаря чему их принято считать «непредсказуемыми» и «непрозрачными». Это ставит задачи по распределению ответственности: кто отвечает за решения созданные ИИ, приведшие к ущербу? [14, р. 252]. В контрактах будущего уже обсуждаются особые положения об AI: разграничение прав на обучающий набор данных, гарантий на точность модели, контроль над «правом на объяснение» решений [13, р. 271].

Международные эксперты предлагают разное решение проблем: например, ряд исследований призывает применять к рискам ИИ -режим строгой ответственности (аналогично правилам о дефектах в изделиях), чтобы стимулировать разработчиков продумать безопасную архитектуру и застраховаться от ущерба. Европейские инициативы (проект AI Act, рекомендации ЕС по ответственности) идут именно по пути ужесточения обязательств производителя «высокорисковых» AI-систем. Всё это означает, что контрактные нормы тоже должны эволюционировать: нужно предусматривать, например, страховые плагины, фонды компенсации и «аварийные» кнопки отключения.

В целом перспективы правового регулирования цифровых контрактов выглядят следующим образом: законодательство постепенно признаёт цифровую форму сделок эквивалентной письменной, в то время как новые технологии стимулируют разработку «цифровых» норм. Однако остаются пробелы – например, в отношении признания автоматически генерируемых юридических

актов (AI-системой) или статуса смарт-контрактов при фатальном сбое блокчейна. Решение этих задач потребует соединения норм МЧП (для трансграничности) с техническими стандартами (для надёжности сделок).

Заключение

В результате проведённого анализа можно сделать следующие выводы. Международные коммерческие контракты в сфере высоких технологий характеризуются уникальными особенностями: номенклатура их предмета (ПО, ИИ, дата-сервисы) требует сочетания норм гражданского и IP-права, а также детального учёта технологических факторов при формулировке обязательств. Принцип автономии воли сторон остаётся базовым, но на него накладываются ограничения в виде законодательства о санкциях и защите данных; ролям границ применимости способствуют *lex mercatoria* и международные принципы (UNIDROIT, PECL, модельные законы UNCITRAL), которые призваны заполнить пробелы национального регулирования.

Среди выявленных пробелов – необходимость законодательной четкости в вопросе правового статуса смарт-контрактов и автоматизированных сделок (их правоспособности и добросовестности исполнения). Отдельной проблемой является отсутствие единых критериев «ответственности ИИ» – поэтому на практике появляются предложения о строгой ответственности разработчиков и страховке, аналогичной продукции с высоким риском. Российские и зарубежные подходы пока близки в общем развитии (использование принципов УНИДРУА, гражданско-правовая квалификация сделок), но различаются в деталях: например, практика судов РФ демонстрирует склонность рассматривать иностранные санкции как форс-мажор, тогда как в других юрисдикциях подход менее однозначен.

Список литературы:

- [1] Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА (UNIDROIT Principles of International Commercial Contracts). Рим: UNIDROIT, 2016.
- [2] Принципы европейского договорного права (Principles of European Contract Law). The Hague: Kluwer Law International, 2002.
- [3] UNCITRAL Model Law on Electronic Commerce. United Nations Commission on International Trade Law. New York, 1996.
- [4] Recommendation of the OECD Council on Digital Security of Critical Activities. Paris: OECD Publishing, 2022. P.18.

- [5] Ануфриева Л. П. Международное частное право: учебник. М.: Норма, 2021. С.288.
- [6] Богуславский М. М. Международное частное право. М.: Норма, 2019. С.672.
- [7] Калятин В. О. Право интеллектуальной собственности: учебник. М.: Статут, 2020. С.193
- [8] UNCITRAL Model Law on Automated Contracting. United Nations Commission on International Trade Law. 2024.
- [9] Усачёв Е. Г. Смарт-контракт как разновидность договора в электронной форме // Закон и право. 2025. № 2. С.197-201.
- [10] Будылин С. Л. Дело о битве роботов, или может ли смарт-контракт быть недействительным? Комментарий к решению Апелляционного суда Сингапура по делу Quoine Pte Ltd v. B2C2 Ltd // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2022. № 3. С. 119-121.
- [11] Lamappulage D. T. D. Smart Contracts and International Trade: European Legal Strategies for Managing Challenges // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. Vol. 1. № 4. P. 1042–1057.
- [12] Jovanović S. Unidroit Principles of International Commercial Contracts and new frontiers of blockchain, smart contracts, and digital assets // Uniform Law Review. 2025. Vol. 30. № 2. P. 173–186.
- [13] De Filippi P., Wright A. Blockchain and the Law: The Rule of Code. Cambridge: Harvard University Press, 2018. P. 312.
- [14] Mik E. Smart contracts: terminology, technical limitations and real world complexity // Law, Innovation and Technology. 2017. Vol. 9. № 2. P. 269–300.
- [15] «Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров» (заключена в г. Вене 11.04.1980). URL: [http:// www.pravo.gov.ru](http://www.pravo.gov.ru).
- [16] «Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая [Электронный ресурс] : федер. закон от 30 нояб. 1994 г. №51-ФЗ. URL: [http:// www.pravo.gov.ru](http://www.pravo.gov.ru).
- [17] Положение о порядке свидетельствования Торгово-промышленной палатой Рос. Федерации обстоятельств непреодолимой силы (форс-мажор) : утв. постановлением Правления ТПП РФ от 23 дек. 2015 г. № 173-14. URL: [http:// www.pravo.gov.ru](http://www.pravo.gov.ru).
- [18] Решение Арбитраж. суда г. Москвы от 17 авг. 2023 г. по делу № А40-35058/2023 // ПАО «Ингосстрах» против ООО «ВИЭМБАРЕ РУС»: иск об отказе в удовлетворении требований // Судебные и нормативные акты РФ (Sudact.ru). URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/5wLUVax2GoxX/> (дата обращения: 18.03.2026).
- [19] Конвенция ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йорк, 10 июня 1958 г.). URL: [http:// www.pravo.gov.ru](http://www.pravo.gov.ru).
- [20] Конвенция ООН об использовании электронных сообщений в международных договорах (Нью-Йорк, 23 ноября 2005 г.). URL: [http:// www.pravo.gov.ru](http://www.pravo.gov.ru).
- [21] «Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая [Электронный ресурс] : федер. закон от 30 нояб. 1994 г. №51-ФЗ. URL: [http:// www.pravo.gov.ru](http://www.pravo.gov.ru).

References:

- [1] UNIDROIT Principles of International Commercial Contracts. Rome: UNIDROIT, 2016.
- [2] Principles of European Contract Law. The Hague: Kluwer Law International, 2002.
- [3] UNCITRAL Model Law on Electronic Commerce. United Nations Commission on International Trade Law. New York, 1996.
- [4] Recommendation of the OECD Council on Digital Security of Critical Activities. Paris: OECD Publishing, 2022. P.18.
- [5] L.P. Anoufrieve International private law: textbook. M.: Norma, 2021. S.288.
- [6] Boguslavsky M. M. International private law. M.: Norma, 2019. S.672.
- [7] V. O. Kalyatin Intellectual Property Law: Textbook. M.: Statute, 2020. S.193
- [8] UNCITRAL Model Law on Automated Contracting. United Nations Commission on International Trade Law. 2024.
- [9] Usachev E. G. Smart contract as a type of contract in electronic form//Law and law. 2025. № 2. С.197-201.
- [10] Budylin S.L. Robot battle case, or could a smart contract be invalid? Commentary to the decision of the Court of Appeal of Singapore in Quoine Pte Ltd v. B2C2 Ltd//Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2022. № 3. S. 119-121.
- [11] Lamappulage D. T. D. Smart Contracts and International Trade: European Legal Strategies for Managing Challenges // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. Vol. 1. № 4. P. 1042–1057.
- [12] Jovanović S. Unidroit Principles of International Commercial Contracts and new frontiers of blockchain, smart contracts, and digital assets // Uniform Law Review. 2025. Vol. 30. № 2. P. 173–186.
- [13] De Filippi P., Wright A. Blockchain and the Law: The Rule of Code. Cambridge: Harvard University Press, 2018. P. 312.
- [14] Mik E. Smart contracts: terminology, technical limitations and real world complexity // Law, Innovation and Technology. 2017. Vol. 9. № 2. P. 269–300.

[15] "UN Convention on Contracts for the International Sale of Goods" (concluded in Vienna 11.04.1980). URL: [http:// www.pravo.gov.ru](http://www.pravo.gov.ru).

[16] "Civil Code of the Russian Federation. Part one [Electronic resource]: feder. law of Nov. 30 1994 No. 51-FZ. URL: [http:// www.pravo.gov.ru](http://www.pravo.gov.ru).

[17] Regulation on the Procedure for Witnessing by the Chamber of Commerce and Industry of Ros. Federation of force majeure circumstances: approved Resolution of the Board of the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation No. 173-14 dated December 23, 2015. URL: [http:// www.pravo.gov.ru](http://www.pravo.gov.ru).

[18] Decision Arbitration. Court of Moscow dated August 17, 2023 in case No. A40-35058/2023// Ingosstrakh PJSC v. VIEMVARE RUS LLC: claim for

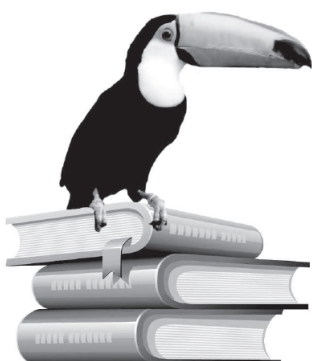
refusal to satisfy claims//Judicial and regulatory acts of the Russian Federation (Sudact.ru). URL: [https:// sudact.ru/arbitral/doc/5wLUVax2GoxX/](https://sudact.ru/arbitral/doc/5wLUVax2GoxX/) (access date: 18.03.2026).

[19] United Nations Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards (New York, June 10, 1958). URL: [http:// www.pravo.gov.ru](http://www.pravo.gov.ru).

[20] United Nations Convention on the Use of Electronic Communications in International Treaties (New York, November 23, 2005). URL: [http:// www.pravo.gov.ru](http://www.pravo.gov.ru).

[21] "Civil Code of the Russian Federation. Part one [Electronic resource]: feder. law of Nov. 30 1994 No. 51-FZ. URL: [http:// www.pravo.gov.ru](http://www.pravo.gov.ru).

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.